

Нынче тоскует лишь тот, кто не украл миллиона.
Н. А. Некрасов

Игорь Редькин, нимало не обижавшийся на свою сельскохозяйственную фамилию, завершил четвертый курс без усилий и напрягов, но и равнодушно не стремясь к высшим баллам — никакого смысла в этом не видел. И матерый доцентиче Николай Андреянович, читавший им в весеннем семестре аэродинамику крылатых ракет, что относилась по программе к спецкурсам, в отличие от общей аэродинамики летательных аппаратов, выслушав на экзамене очень даже здравые рассуждения Игоря о флаттере, то есть резонансном дрожании специфических крыльев этих ракет, спросил его: «Может тебе сто баллов поставить, как сейчас по-американски принято, а по-советски — пятерку?»

— А зачем, Николай Андреянович? На пятерку господь бог все знает. И вы, как практик ракетостроения, не один десяток лет проработавший в военном конструкторском бюро, приближаетесь к такой оценке. А мне и четверки, по американско-нижегородски восемьдесят баллов, достаточно...

Пораженный логически выстроенной иерархией знаний, тот все же поставил умному и здраво мыслящему студенту в зачетку и ведомость девяносто баллов. Примерно так же Игорь сдавал и остальные зачеты и экзамены за четвертый курс. К обоюдному удовольствию его и преподавателей.

Студенческое прозвище *Редька* к нему еще с первого курса не приклеилось, поскольку на вопросы однокашников, нагловатых бывших старшеклассников, он отвечал серьезно, что его дед, Трофим Епифанович, доживший до *миллениума* и даже до начала «мирового кризиса империализма две тысячи восьмого года», из тех солдат первого послевоенного призыва, что был отправлен в обезлюдевшую Курскую область солдатом-землепашцем одного из военных совхозов, в части организации которых Иосиф Виссарионович использовал опыт Аракчеевых военных поселений в бедных людях северных губерниях Российской империи. А в Курской и в соседних Орловской, Белгородской и ряде других областей села совсем опустели: слишком долго там немцы хозяйничали, а потом мудрый Вождь принял стратегически верное решение: заселить исконно русским народом, тем более оставшимся на погорелом месте, очищенный от татар Крым, а от пруссаков — Калининградскую область. В военкоматах по всей стране тогда комиссарами находились боевые офицеры, списанные еще в войну по ранениям и инвалидностям, то есть люди многоопытные в жизненных познаниях. Поэтому заполняя разрядки призывников по роду войск, они

мудро отбирали ребят в всеосенние крестьянскими фамилиями по спискам в военные совхозы Средней России: пахать землю и убирать урожай в гимнастерках и галифе... пока не обрастет людьми убитая в войну земля от оставшегося местного крестьянского населения. «Вот и мой дед, Трофим Епифанович Редькин, призванный с Вологодчины, прослужил положенное трактористом, женился на местной курской, там и остался. А уже отец, потом выписав деда с бабкой, был переведен в Тулуповск по своей работе — хотя и не номенклатурной особо, но специалисты тогда приказу подчинялись». После такого пространного объяснения все замолкали и прозвище оводное напрочь забывали. Не приклеилось.

Отец, успешно начавший в самые молодые годы, после окончания института, работу (слово *карьера* он и сейчас полагал паскудным) в части геодезии и картографии, и сейчас успешно продолжал ее в Тулуповске по государственному ведомству в полном расцвете сил, заматеревши, воспитав трех детей, Игорь младший — последыш, как любовно называл его дед Трофим Епифанович. Мать успела в последний год «ухватить» пенсию еще по советским меркам, сейчас вела домашнее хозяйство в собственном доме на ближней окраине города. Не вынося многоквартирных муравейников, в самом конце восьмидесятых глава семьи, Василий Трофимович, с еще бодрым Трофимом Епифановичем соорудили для семьи поместительный дом. Благо в Тулуповске с его двумя металлургическими заводами стройматериала для добротных и теплых зимой, прохладных летом литых шлакоблочных зданий имелось предостаточно — плата только за вывозящие с отвалов шлак самосвалы.

В девяностые и нулевые годы разгула мелочного частнособственничества — подготовки субординированного олигархата — в «пентагон», по принятому во всем городе наименованию корпуса, в котором базировались военно-технические специальности, шел, причем без всякого, даже символического конкурса, самый захудалый, троечный абитуриент с совершенно безошадными родичами. А после окончания через пень-колоту обучения все эти безошадные тройбанисты шли в магазинные приказчики и офисные креветки. В «пентагоне» обучение бесплатное...

Когда же в начале второй половины две тысячи десятых годов на специальность ракетостроения поступал Игорь, то ситуация в «пентагоне» заметно изменилась. В стране, где почти четверть века целенаправленно — с подачи кого надо через агентов влияния — разрушался и добывался бывший мощнейший в мире военно-промышленный потенциал, вдруг вспомнили слова Александра Третьего про единственных союзников России: ее армию и флот. Ну-у, флот дело долгое и очень дорогое, а вот в части сухопутной армии, авиации и ракетных войск можно было и спохватиться не на пустом еще месте. Во-первых, героическими усилиями крупнейших генеральных конструкторов удалось спасти значительную часть крупнейших оборонных исследовательских и серийных промышленных предприятий. Во-вторых и в главных, в архивах этих предприятий сохранилась — с запасом опережения натовцев до двадцатых-тридцатых годов — техническая документация, а в испытательных цехах опытные образцы потенциальных новейших разработок.

Поскольку же за минувшую четверть века разрухи прежние, матерые оружейные кадры исследователей и разработчиков поизносились, на пенсию с отращиванием ушей, а в основном не пожелали оцифровываться, переходить от карандашей и кульманов с ватманскими листами к компьютерным «автокадам», «маткадам» и прочему, то в значительном числе потребовались и новые, не с кондачка подготовленные кадры.

...И в Тулуповске усилиями невероятными, благо характеры сформировались в прямой временной связи со сталинскими установками, академиком Гусаковым сохранилось в рабочем состоянии одно из первых в стране ракетно-пушечное исследовательско-конструкторское объединение, а другим всесоюзно, потом всероссийски известным начальником и главным конструктором — того же ранга предприятие по

более специализированному типу оружия. Для пополнения их инженерными кадрами скоренко подтянули «пентагон»: вместо тройбанестов с офисно-торговым прицелом начали привлекать — гарантированным трудоустройством на серьезных предприятиях с вполне реальной оплатой — более серьезных ребят. И родители абитуриентов вспомнили те, не столь уж далекие времена, когда весь Тулуповск трудился на оборону, да и сами они, в практическом плане ныне рано взрослеющие, соображали: время мелких лавочек и офисов «купи-продай» проходит стремительно — власти для своей поддержки они уже в массовости своей не потребны. Значит, есть смысл ориентироваться на восстанавливаемую военную промышленность, хотя бы в «пентагоне» учиться шесть лет, а базовые дисциплины там в основном физико-математические.

Отчасти и по такому соображениям Игорь Редькин, учась в школе изрядно, как по-гимназически говорили персонажа русских классических романов, поступил на «пентагоновскую» специальность; но он и самоличней, не зависящий от общественных веяний, пунктик имел: словно в генетическую компенсацию деду Трофиму Елифановичу, служившему солдатом-пахарем в курском военном совхозе, и отцу, вообще не служившему (кафедра военной геодезии и картографии не в счет) по причине учебы в институте, его с детских лет тянуло к оружию. Не в смысле стрелять-фехтовать, но изготавливать его. Рогатки, луки детства, а затем появившееся изобилие китайской игрушечной милитаризации — все это занимало Игорька, затем Игорехи по-дворовому, в части устройства и принципов работы. Поэтому выбору факультета и специальности никто не удивился в доме — родители и брат-аспирант — и вне его, то есть замужняя сестра, самая старшая из детей Василия Трофимовича и его супруги, жившая отдельно, и весь круг знакомых Игоря, включая школьных одноклассников.

Память Игорь — потому в школе и в университете учился не напрягаясь, но хорошо — имел отменную с детско-отроческих годов. Поэтому, когда в узком пацановском кругу, еще не до конца отмененном компом, кто-то затевал брэнчать на гитаре и подпевать из вечного дворового навроде «В кейптаунском порту, с пробоиной в борту, «Жаннета» поправляла такелаж», то Игорь, занятый чем-то совершенно иным, мимоходом поправлял: «С какао на борту». И никто не возражал. А если иной Фома неверующий просил разъяснить, тот охотно и рассудительно это делал: «Речь в песенке идет о судах явно торговых, поэтому с пробоиной не вяжется никак. А парусные суда имели сложное, даже капризное хозяйство, поэтому требовали поправки такелажа перед каждым длительным переходом — здесь же везти груз какао-бобов из Кейптауна в Европу в огиб всей Африки. Это не фунт изюма!»

Доцент Николай Андреевич, ставший с четвертого курса, с которого собственно и начинались его дисциплины у студентов-ракетчиков, особо примечать Игоря Редькина, как-то заметил ему: «Ты вот просто Игорь сейчас, а у меня имеется давний, еще со времен «Меткости», друг, тоже Игорь, но с обязательным отчеством Васильевич, ибо всевозможный заслуженный и почетный, обладатель неоднократных ученых степеней и званий. И память у него абсолютная, то есть он все помнит с пятилетнего возраста: слышанное, самим сказанное и увиденное. Даже осязательная и вкусовая память у него в абсолюте! Например, он помнит вкус советского производства пива, которое делало естественным брожением с циклом шестьдесят дней. А потому уже почти тридцать лет, с кончины нашей родной и так далее, не берет в рот ни единой капли того скороспелого, в шесть дней забульжываемого, напитка, что именуют пивом. На самом деле — это недоброженный солод с добавлением химически произведенного спирта, всяких ароматизаторов и консервантов, а также закачанного — для пены — углекислого газа. ... Впрочем, по той же вкусовой памяти твой тезка по имени не употребляет вин. Все они порошковые, какие бы цены и этикетки к бутылке не были приставлены.

Это как в «Бесприданнице» Островского, что вашему поколению более известна как «Жестокий романс» рязановский: дескать, сударь, по семьдесят копеек бутылки кругом, а наклейки какие пожелаете сделаем. Ну-у, это все к слову, к примеру, а у тебя, не берусь по твоей молодости судить о винно-пивной памяти, но в научном плане таковая отменна!»

Игорь, конечно, уловил в похвальном его памяти монологе, что случился в преподавательской, куда он, как староста группы с прошлого курса, за пятнадцать минут до начала занятия зашел за семинарскими методичками, причину своеобразной трактовки абсолютной памяти: от матерого ракетного доцента слегка попахивало. Да он и сам ненароком оговорился, что с утра заходил к профессору Скородумову поздравить того с лауреатством почти безденежной, но ценимой в узких научных кругах премии...

Другая, уже обоюдная, но монологичная, беседа интересующегося мыслями и нравами современного юношества доцента с запомнившимся ему неординарным мышлением студентом состоялась на предэкзаменационном зачете. По неписанным, еще с советских времен, правилам студенческой жизни староста группы завершал зачеты и экзамены. Здесь сочетались и армейские традиции, созвучные с военной спецификой «пентагона» (по-чапаевски: в обороне командир с биноклем в тылу дивизии), и статский либерализм: все равны, староста не выпячивается своими знаниями... равно и незнаниями. Худо-бедно, со скупыми поощрениями Николая Андреевича, чаще с необходимыми его смешками и словесными подковырками, группа «зачлась». Игорю он подмахнул роспись в зачетке после пары вопросов на смекалку.

— Смекалка, дорогой мой, — благодушествовал доцент, явно не торопящийся, в два часа пополудни заседание кафедры, домой на обед, хотя и рядом живет, особого смысла идти нет, — в нашем с тобой инженерном деле суть интуиция мышления, на которое накладывается вся громада приобретаемого годами и десятилетиями конструкторского опыта. Но вот с твоей точки зрения: осталось ли место этой смекалке-интуиции в современной инженерной практике?

— Можно говорить, Николай Андреевич, без казенных словосочетаний?

— Конечно, конечно. Я ведь не советский парторг и не нынешний чиновник на официальном приеме у губернатора. Опять же всем в «пентагоне» известно, что я не профессиональный, как говорится, преподаватель, а пришел, по словам классика «пора на пенсию, в сенат», из военной промышленности. Так сказать, от кульмана и испытательного стенда... еще от язвительных неудовольствий сурового, но справедливого академика Гусакова, в своем роде морального садиста, и отборной матерщины — в качестве обыденного разговорного языка — цеховых начальников и знающих себе цену работяг-уникумов...

— Я вас понял, Николай Андреевич. Вы имеете в виду стремительное оцифровывание всех инженерных работ и интернет?

— Во-во, Игорь Васильевич гордится изобретением нового слова цифрофрения — метко, по-нашему, по-оружейному! Так сказать, новая версия доброго старого русского мата. Итак?

— За себя могу сказать: всячески сопротивляюсь возможной утрате интуиции. Не хочется стать приложением к интернету, в смысле — брать уже готовые решения, а еще проще говоря — совсем отказаться от использования своей памяти, как оперативной, так и основной, подсознательной.

— Это сейчас в школьной биологии про виды памяти так просвещают?

— Нет, там все на тестовую зубодолбежку переведено. Читаю много. И брат аспирант в педуниверситете, диссертацию сочиняет по психолингвистике. Вообще-то он сугубый современный практик. Степень нужна для карьеры чиновника. Он это вовсе не скрывает. Но — далеко не дурак. Таковых у нас в семействе не наблюдается.

— И как соотносятся эти два вида памяти — я-то от Игоря Васильевича, это его конек, все знаю, в интернетовском оцифровывании?

— Очень просто, Николай Андреевич, соотносится. Оперативная память замещается справками из интернета, вплоть до мелочей: от правильного написания слова до формулы квадрата суммы двух чисел. То есть этот вид памяти в итоге суживается для указания пальцам рук нужных клавиш клавиатуры. Творческая же, подсознательная память и вовсе уходит в виртуальную реальность уже готовых компьютерных программ.

— Ну-у, батенька, как вы радикально с живым-то человеком разделяетесь! — восхитился Николай Андреевич, но в том же ключе еще минут двадцать побеседовал с оригинально мыслящим студентом, посоветовав тому стать читателем журнала, редактируемого профессором Скородумовым.

Оба живших в семье брата Редькины, аспирант и студент, понятно дело, работали. Аспиранту по нынешним временам было бы дико на шее у родителей сидеть. Игорю же отец, как значимый в области специалист, преимущественно по кадастровой части, неизбежаемый по окладу и иным легальным источникам, неоднократно предлагал «не отвлекаться от учебы, что у нас на прокорм и даже определенные карманные не хватит?» но и сам понимал: времена совершенно отличные от его студенческих бытований. Если в его студенчестве подработка являлась «поддержанием штанов» и совестливостью напрягать, будучи здоровенным лбом, родителей — то есть отягчающим, всего лишь сопутствующим основной учебе занятием, то на примере своих уже детей в годы их студенчества четко осознавал, что это уже поколенный образ жизни, когда работа заменила труд. Василий Трофимович в недурственной своей памяти (было в кого Игорю с его «абсолютом» пойти!) как-то не зафиксировал времени и ситуации, когда он, глядя на своих детей и молодых сотрудников по своей службе, пришел к открытию для себя разницы между трудом и работой. Толчком же послужила... рыбакка, основное и, пожалуй, единственное его увлечение-отдыхновение. Благостное («ее же и монаси приемлют», в смысле вкушают рыбу вместо мяса) это занятие дарует человеку уйму времени для неторопких размышлений, в которых прошлое наслаивается на будущее, усредняясь в настоящем. Во время священного акта ужения плотвичек, что шли на баловство домовому коту, и задумался Василий Трофимович на тему сопоставления: почему в советское время слово труд заметно теснило вроде бы аналогичную по сути работу? Что и в официальных документах присутствует. Супруга его, как любая женщина, серьезно относящаяся к своему здоровью — дай, бог, и дальше вовсе не хлипкому! — тоже заметила, случайно заинтересовавшись: А что это, Вася, раньше в больничных писали «Приступить к труду (с такого-то числа)», а сейчас ставят слово «к работе»?

И на очередной субботней рыбакке сам-один, компаний здесь с обязательными «выпили-закусили», хотя бы в жизни стопку мимо рта не проносил, Василий Трофимович не терпел, его озарило, как открывателя-самоучку. Ведь работа — от слова раб, а труд есть осмысленное, в чем-то всегда творческое содержание жизни? — Получалось, что так оно и есть.

Игорь, став подрабатывать, как и все его сокурсники, с самого начала университетской жизни, вряд ли оттенил в памяти слова отца, в какой-то семейный праздник под тост сказанные. Именно — не оттенил, то есть не обратил нарочитого внимания. Да и не требовалась ему такая подсказка — осознание содержания вспомогательного к учебе занятия само собой и понималось именно как кем-то и чем-то неизвестным установленное, необходимое по определению «вычеркивание» из своей жизни стольких-то часов в день. А поскольку это привносило усталость, то, значит, такое же «вычеркивание» организменных сил. И далее он развивал мысль: удовольствие эта самая работа (в интернете, с компьютером — как у всех), какого-то удовлетворения не приносит; от денег, конечно, никто не отказывается, но особо они им и не востребованы. Деньги, как самоцель, под иной, нежели у него, да и всех его семейных, характер «деланы». Даже иной чем у Остапа Бендера — для сына турецкоподданного таковые тоже являлись не самоцелью, но всего лишь средством. И нынешняя реклама в телеящике клеветает на Остапа Ибрагимовича, заявляя в ролике, что-де

Бендер являлся первым продюсером гениальных проектов, и в наши дни его имя возглавляло бы списки журнала «Форбс»... Нет, деньги для Игоря не самоцель, а по большому счету даже и не средство. Получается, что именно сейчас в самой полной мере сбывается библейское проклятие первочеловеку: работа (а не творческий труд!) есть немотивированное ярмо человеческое. Первые две книги Ветхого Завета он со вниманием прочел еще учась в девятом классе — в доме имелась староизданная библия; как отгиснуто на титульном листе: «В русском переводе. 2-е Синодальное издание». Ее дед Трофим Елифанович, призванный и направленный в курский военный совхоз, обнаружил на чердаке пустого дома, в котором поначалу расквартировали его отделение...

До одиннадцатого класса Игорь пользовался интернетом и «гэджиками» — с язвительного языка Василия Трофимовича — как и все остальные, не задумываясь, не восторгаясь, но и не порицая все более и более новые разработки Силиконовой долины и их китайскую штамповку. Полагал: так надо, но кому надо? — не задумывался. Тот же поплевизм. Но в выпускном классе, когда его невидимая глазу белая ворона, пролетая по своим орнитологическим делам, слегка задела крылом, и задумчивость пришла: конечно, научно-технический прогресс со времен средневековых мануфактур (а на втором курсе уже с наслаждением читал в первом томе «Капитала» любовное описание Марксом таковых) неотменим и до появления радио, телевидения, вычислительных машин вроде бы никаких возражений и сомнений не вызывал. Бабушка с антресолей с керосиновой лампой из сочинения одесских классиков не в счет.

Но ужасающее ускорение последних лет в оцифровывании человечества, причем глобального, вызвала в голове старшего школьника Игоря Редькина какой-то ступор, что продлился до первого университетского курса. Здесь на него напала — после окончательной размовки со Светкой, первой юношеской любовью — читательская лихорадка по естественным наукам. Благо он напал в интернете на каталог московского научного издательства, что специализировалось в последние двадцать лет на издании книг западных, преимущественно английских и американских, современных или почти современных, светил этих наук. Самое главное, все эти нобелисты и близкие (по своей относительной молодости) к ним ученые умели замечательно писать для широко образованного читателя ясным, но объективно научным языком. Наши высоколобые только начали осваивать такую манеру изложения. Часть таких книг он нашел в университетской библиотеке, иные, насколько позволяли «стукнешь по карману — не звенит», покупал через книгу-почтой. В Тулуповске все книжные магазины закрылись ввиду полной утраты спроса «на бумагу», а Москву с недавних пор стал полагать совсем другим государством, уютным даже для дневного пребывания в «городе желтого дьявола».

Результатом такое целенаправленной читательской лихорадки и стало преодоление затянувшегося на годы ступора. Игорь пришел к точным по формулировкам выводам, сам-для-себя рекомендациям. А именно: традиционный человек обречен на перевоплощение в электронную, цифровую копию. А раз так, то в своей жизни, в которой с керосиновой лампой на антресолях не отсидишься — Василий Трофимович из того времени, когда последние поколения студентов наизусть цитировали страницы книги об Остапе Бендере, изустно в хорошем настроении пересказывал ее своим детям, — то следует усилиями воли сохранить человеческое, творческое мышление, хотя бы оно и есть «архитектурное излишество» для современного бытия; «человек — это звучит гордо!» в то же время, хотя бы и с брезгливостью, по необходимости нести на себе оцифрованное бремя.

...Через благоволящего к нему Николая Андреяновича Игорь был представлен своему тезке — по имени — профессору Скородумову и стал его молодым научным коллегой. А главное, на первом году инженерной работы встретил основную в своей жизни, уже непреходящую любовь. Сказке ли конец? — но для его возраста это стало ее началом.